

Քեկ Սեն-Սավենի որմնակարի և Սենտ-Շապելի հարթաքանդակների նմանությունները սահմանափակ են. բայց որմնակարի առկայությունը մեզ թույլ է տալիս մտածելու, որ այդ պատկերը (նույն տապանը և տապանի վրա բարձր, եռահարկ, գուցե բոլորակ, սյունաշարքերով և կամարաշարքերով զարդարված շենքեր) կարող էր նախատիպ հանդիսանալ Սենտ-Շապելի քանդակների համար: Եթե ընդունենք նաև, որ վերականգնողը ցանկանում էր տապանի պատմությունը կապել Քրիստոսի զերեզմանի գաղափարի հետ՝ վերջինիս միջնադարյան դրսևորմամբ, ապա հիշյալ որմնա-

նկարին, իբր նախատիպեր, պետք է ավելացնենք զերեզմանի այցելության պատկերները, որ պահպանվել են վերևում հիշատակված փղոսկրյա կազմերի վրա:

Սեն-Սավենի որմնակարի գոյության փաստը, ինքնին, ավելի հավանական է դարձնում այն վարկածը, ըստ որի Սենտ-Շապելի քանդակի նմանությունը Զվարթնոցի և Գաղկազենի հետ պատահական բնույթ է կրում:

Պ. ԴՈՆԱԲԵԴՅԱՆ

(Ֆրանսիա)

АМФОРЫ ИЗ РАСКОПОК АРТАШАТА*

До недавнего времени древнегреческие амфоры, столь богато представленные в материалах из раскопок почти всех античных центров, в Армении не были известны. Отсутствовали они и среди комплексов импортной эллинистической керамики из Армавира и Гарни. Лишь с началом в 1970 г. систематического исследования древнего Арташата — столицы династии Арташесидов, стали выявляться первые их экземпляры. Сам город, находясь на перекрестке древних дорог, играл значительную роль в античной торговле. Этот факт лишний раз подтверждается богатым археологическим материалом, из года в год поступающим с его раскопок¹.

Количество амфор в общей группе импортной керамики пока невелико, однако уже сейчас они делают возможным более детальное изучение некоторых аспектов торговых связей Армении, в частности Арташата, с античным миром.

Выявленные раскопками холмов № 1, 2, 7 и 8 (нумерация экспедиции) амфоры, а также богатый подъемный материал, не-

смотря на плохую сохранность, располагаются по следующим группам.

Первой среди них по времени, а также по количеству экземпляров является группа родосских амфор. Следует упомянуть три фрагмента клейменных ручек. На одной из них имеется клеймо в две строки—[ΕΠ]Ι ΑΡΙΣΤΟ-ΜΑΧ[ΟΥ] (1970 г., II холм, № 44, подъемный, табл. I, рис. 1). Известны два магистрата с этим именем. Клейма первого из них относятся к началу II в. до н. э. Палеография и морфологические данные ручки нашего экземпляра позволяют причислить его к клеймам второго Аристомаха, датируемым Вирджинией Грейс концом II—началом I вв. до н. э. (VI группа)². На второй ручке клеймо оттиснуто не полностью, видна лишь левая нижняя его часть. Читаются первые три буквы имени—ΝΙΚ (1970, II, № 10, подъемн., табл. I, рис. 2). Расстояния до правого обреза штампа достаточно, чтобы поместить далее еще две-три буквы, восстанавливая имя ΝΙΚΙΑ или ΝΙΚΙΟΥ. Это клеймо, вероятнее всего, принадлежит родосскому фабриканту Никию, тара которого относится к VI группе хронологической таблицы В. Грейс³. Клейма с именами указанных эпонима и фабриканта довольно широко распространены в ма-

* Доклад на эту тему был прочитан нами на конференции «Эйрене» в Ереване (см.: «XIV Международная конференция античников социалистических стран. Тезисы докладов», Ереван, 1976, стр. 157—158).

¹ См. Б. Н. Аракелян, Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 годах, «Историко-филологический журнал», 1974, № 4, стр. 44—60.

² V. R. Grace et M. Savvatiapou-Petropoulakou, Les timbres amphoriques Grecs. Exploration archéologique de Delos, fasc. XXVII, Paris, 1970, стр. 314.

³ Там же, стр. 311.

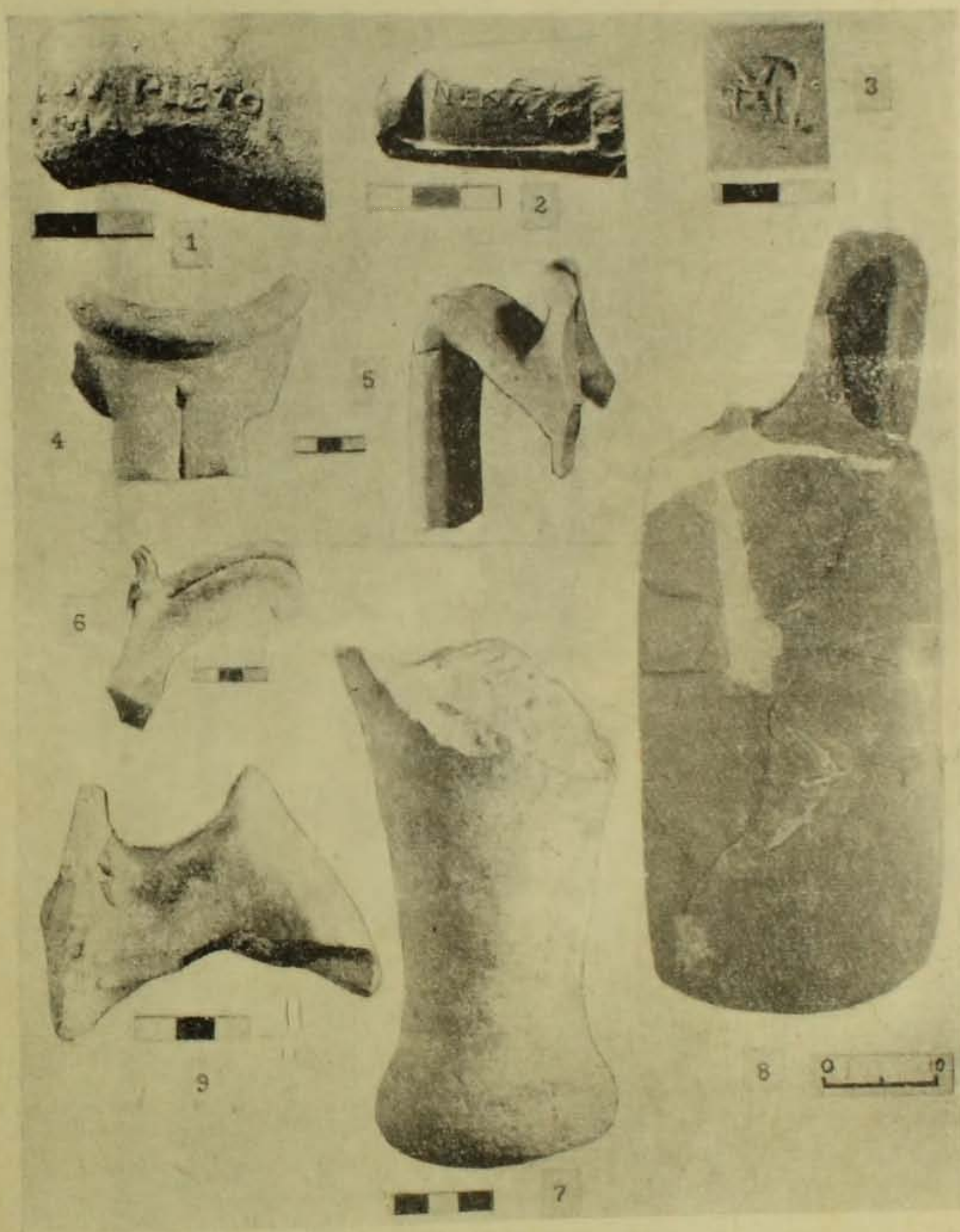

Табл. I.

терналах из раскопок различных античных центров⁴. Клеймо на третьей ручке, найденной в слое (1972, I, № 35), не сохранилось, видно только прямоугольное углубление от штампа, однако сопутствующий материал позволяет отнести его к тому же времени, что и первые два клейма.

найденные в Боспоре и Тарсе, датируются концом III—II вв. до н. э.⁶ Наш экземпляр, однако, не может быть датирован этим временем. Сопутствующий материал, а также некоторые особенности (в частности то, что, в отличие от боспорских, ручки на арташатской амфорке поднимаются значи-

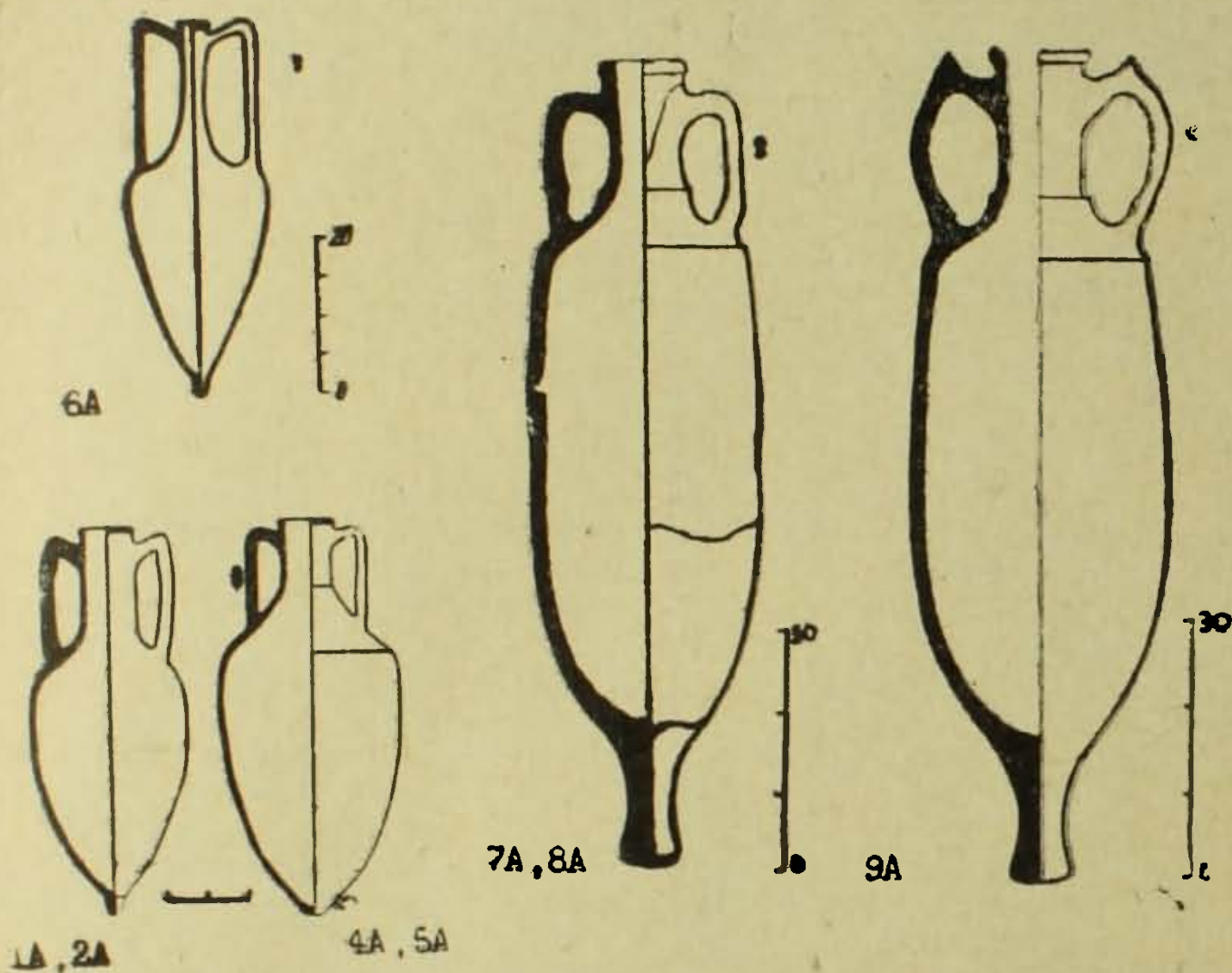

Табл. II.

Среди экземпляров родосской группы выделяется фрагмент миниатюрной неклеяемой амфоры с двустовальными ручками (1973, VII, № 4, табл. I, рис. 6, табл. II, рис. 6A)⁵. На венчике видны следы красной краски. Подобные амфоры с небольшим яйцевидным корпусом, низкой цилиндрической ножкой и общей высотой до 50 см,

тально выше уровня венца), вынуждают отнести его ко времени не ранее I в. до н. э. Среди подъемного материала имеется обломок ручки такой же маленькой (но не двустовальной) амфоры, однако сведений для точной ее датировки нет. В родосскую группу входит также ряд фрагментов ручек, венчиков, ножки и тулов амфор (в основном подъемн. со II холма), которые благодаря

⁴ V. Grace, The stamped amphora handles, в кн.: H. Goldman, Excavations at Gözlu-Kule, Tarsus, vol. I, Princeton, 1950, стр. 142; Д. Б. Шелов, Керамические клейма из Танаиса III—I веков. до н. э., М., 1975, стр. 41, 114.

⁵ В таблице II даны наиболее типичные формы амфор, найденных в Арташате.

⁶ И. Б. Зеев, Керамическая тара Боспора, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 83, М., 1960, стр. 104, табл. XXIV, 50a; V. Grace, Tarsus, стр. 145, илл. 117, № 82 (ручка, найденная в Тарсе, имеет круглое клеймо с изображением цветка граната).

сопутствующим материалам и аналогам датируются I веком до н. э.⁷ (табл. II, рис. 1А, 2А).

Вторую группу амфор из Арташата составляет косская тара. В отличие от предыдущей она включает две компактные хронологические подгруппы, отделенные друг от друга значительным промежутком времени. В первую из них входят четыре фрагмента косских неклеяемых двустольных амфор стандартного типа (1973, VIII, № 148, 1975, VII, В. склон, 1970, II, подъемн., табл. I, рис. 4, 5, табл. II, рис. 4А, 5А), датируемых по аналогам из Антикиферы и афинской Агоры временем от 75 г. до конца I в. до н. э.⁸

Амфоры, относящиеся ко второй подгруппе, представлены двумя ножками, фрагментом нижней части тулова и одним почти целым экземпляром (1973, VIII, № 116, 247, 1974, VIII, погреб. № 10, 1974, VII, подъемн., табл. I, рис. 7, 8, табл. II, рис. 7А, 8А). Форма их характерна для поздней косской тары. Амфоры имеют массивные двустольные ручки, резкую профилировку плеча, вытянутый, сигарообразный корпус, сужающийся к высокой конусовидной ножке. Бросается в глаза необычный для косских амфор яркий охристо-красный цвет глины. Это обстоятельство, как и частые случаи находок подобных амфор в Италии и в западных провинциях Рима, навели В. Грейса на мысль об италийском происхождении этой тары, повторяющей косские типы⁹. Однако известны клейменные косские амфоры из той же глины, противоречащие этому предположению¹⁰. Амфоры данного типа да-

тируются серединой I—началом II вв. до н. э.¹¹ К указанному времени относятся и наши экземпляры. Это подтверждается находкой одной из них в погребении вместе с серебряной дидрахмой Траяна, чеканенной в Кесарии Каппадокии в 98—99 гг. н. э.¹² Хронологическая обособленность описанной подгруппы, факт находки одной из амфор с кесарийской дидрахмой, монетой, не характерной для денежного рынка Армении, дают основание предполагать, что они попали на Восток вместе с войсками Траяна во время похода 114—116 гг., тем более, что XV легион «Апполинарис» и XII «Фульмината», участвовавшие в походе, дислоцировались до этого на магистральной, соединявшей Арташат с эгейским побережьем Малой Азии¹³.

К этой же подгруппе, как по глине, так и по времени, примыкает обломок ручки другой амфоры. Отходя от горла, ручка резко загибается вверх, создавая на изломе рожек, а затем плавной, довольно широкой дугой опускается к плечу (1976, VIII, № 55, табл. I, рис. 9, табл. II, рис. 9А). Форма подобных амфор далеко не характерна для косской тары. В данном случае мы сталкиваемся с подражанием родосским типам. Как известно, с конца старой и особенно с начала новой эры Кос был вовлечен в сферу экономического влияния Родоса. Это явление нашло свое отражение и в подражании формам родосских амфор¹⁴.

Из остальных экземпляров интересен фрагмент горла амфоры из красновато-коричневой глины со значительной примесью пироксена. Невысокое узкое горло плавно переходит в покатые плечи. Петлевидные ручки прикреплены к горлу и овальны в сечении (1973, VII, № 237). Данный тип этносятся исследователями к амфорному производству Гераклеи Понтийской и датируется по находкам из Северного Причерноморья I—II вв. н. э.¹⁵

¹¹ Н. Sh. Robinson, указ. работа, стр. 83, 85—86, илл. 19, М-13.

¹² В отличие от эллинистических каппадокийских римские монеты Кесарии Каппадокии в Армении крайне редки.

¹³ См. Н. Г. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971, стр. 97—98.

¹⁴ Н. Sh. Robinson, указ. работа, стр. 20, илл. 3, F-94; V. R. Grace, Amphoras..., стр. 23, илл. 57.

¹⁵ Б. Ю. Михлин, Амфоры «коричне-

⁷ Подобная форма (см. рис.) характерна и для представленных выше родосских клейменных амфор (табл. I, рис. 1, 2). V. R. Grace, Commercial amphoras from the Antikythera shipwreck, „Transactions of the American Philosophical Society“, vol. 55, part 3, June 1965, fig. 2.

⁸ Там же, фиг. 4, № 9, 10; H. Sh. Robinson, Pottery of the Roman Period. Chronology („The Athenian Agora“, vol. V. „The American School of classical studies at Athens“), Princeton, 1959, стр. 20, илл. 3, F-93.

⁹ V. R. Grace, Amphoras and the ancient wine trade („The American School of classical studies at Athens“), Princeton, 1961, стр. 24, илл. 60, № 3.

¹⁰ И. Б. Зеев, указ. работа, стр. 105.

Обломки амфор, составляющие последнюю группу, имеют воронкообразный широкий венчик и значительно расширяющееся книзу горло. Высокие круглые ручки прикреплены непосредственно под венцом. Аналогичные находки в поздних слоях афинской Агоры, как и факт их нахождения в Арташате, позволяют отнести эту группу к III—IV вв. н. э.¹⁶ (1973, VIII, № 67, 143).

К этому же времени относятся и несколько других амфор.

Очень интересен фрагмент горла амфоры с клеймом-монограммой, составленной из букв П, Г и Р (1970, II, № 77, подъемн., табл. I, рис. 3). Отсутствие аналогий и стратиграфических данных затрудняет определение клейма. Все же, если учесть, что в Северном Причерноморье эти клейма не встречаются, то можно предположить их принадлежность к центрам средиземноморского круга.

В коллекции амфор из Арташата имеется еще ряд находок, но крайне плохая сохранность затрудняет их определение.

Для выяснения путей и характера проникновения изучаемых амфор в Арташат большую помощь оказывают римские дорожные карты, приписываемые географу IV в. Касторию (TABULA PEUTINGERIANA). Хотя они относятся к более позднему периоду, «консервативность» указанных на этих картах горных дорог, а также некоторые сведения античных авторов говорят об их интенсивном использовании в интересующее нас время.

На картах указана магистраль, идущая из Арташата в Багаван (RAUGONIA) и Саталу. Далее из Никополя одна ветвь ее спускалась в Мазаку и через Тиану и Тарс по южному побережью Малой Азии доходила до Книда и Галикарнасса, соседствующих с Родосом и Косом. С Тарсом, одним из узловых пунктов малоазийских путей, Ар-

ташат был связан и второй дорогой, проходящей через Багаван, Тигранакерт и Мелитену¹⁷. Не исключена возможность проникновения античной керамической тары в Арташат и при посредничестве Антиохии-на-Оронте, ведущей активную торговлю с Эгепдой, или же Команы Понтийской. Говоря о последней, Страбон называет ее «значительным эмпорием для купцов из Армении»¹⁸. Связана она была с Арташатом через ту же Саталу. Эта дорога — наиболее вероятный путь проникновения экспорта из Гераклеи и Балкан¹⁹.

Факт размещения с конца I в. н. э. в Сатале и Мелитене римских легионов также свидетельствует о большом значении, придаваемом римлянами дорогам, по которым в кратчайший срок можно было добраться до столицы Армении. Экономическая взаимосвязь Команы, Саталы, Мелитены и прилегающих областей с Арменией отражается и в 31-й новелле Юстиниана (527—565), по которой они вводятся в состав I, II, III Армений²⁰. Перечисленные доводы убеждают нас в том, что именно этими путями описанные амфоры должны были проникнуть в Армению.

Интересно хронологическое сопоставление амфор из Арташата и найденных на Ближнем Востоке, в основном в Междуречье. Родосская тара из раскопок Телль-Халафа, Нимруда, Селевкии-на-Тигре, Вавилона, Урука, Суз и других центров в подавляющем большинстве относится к 210—175 гг. до н. э. Даже единичные поздние клейма не выходят за пределы первой поло-

¹⁷ K. Miller, *Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana*, Stuttgart, 1916, Segm. X 4—X 12; „Westermanns Atlas zur Weltgeschichte, Teil I. Vorzeit, Altertum“, Berlin etc., 1963, табл. 38—39; Հ. Մանանդյան, Հայաստանի դիրքավոր ճանապարհները ըստ Պեւտինգերյան քարտեզի, Երևան, 1936, Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, стр. 97.

¹⁸ Страбон, География в 17 книгах, Л., 1964, XII, III, 36, С 559.

¹⁹ Вероятно, именно этот путь, проходящий далее через Никомедию и Византию, был использован Тиридатом I при поездке на коронацию в Рим в 66 г. н. э.

²⁰ Н. Адонц, указ. работа, стр. 166—167.

вой глины» из северо-западного Крыма. «Советская археология» (далее—СА), 1974, № 2, стр. 62, рис. 3, № 1, 3, 4, стр. 64, рис. 4; В. Г. Виноградов, Н. А. Онайко, Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время, СА, 1975, № 1, стр. 88, рис. 5, а, б.

¹⁶ H. Sh. Robinson, указ. работа, стр. 120, илл. 34, М-391.

вины II в. до н. э.²¹ Между тем самые ранние арташатские амфоры датируются концом II—началом I вв. до н. э.

Различны и пути проникновения амфор в указанные центры. Если в Армению они ввозились через Малую Азию, то на Ближний Восток родосский импорт попадал через порты Сирии и Финикии.

Начало ввоза в Арташат античной керамической тары во II—I вв. до н. э. объясняется политической ситуацией в стране. Ведь именно в это время, с воцарением Тиграна II (95—56 гг. до н. э.) и благодаря его внутренней и внешней политике, Армения превратилась в одну из сильнейших эллинистических держав. Постройка новых городов и политика синойкизма, проводимая Тиграном, активизировали торговлю Армении с античным миром. Однако какие-то, хотя и незначительные, контакты с Эгейскими островами и Ионией существовали, вероятно, и в более раннее время. Об этом свидетельствуют находки родосской фаянсовой фигурки-флакона на Кармир Блуре, двух милетских серебряных монет VI—V вв. до н. э. в Эребуни и родосской серебряной монеты конца IV—III вв. до н. э. в районе Армавира²².

На вопрос, что именно ввозилось в амфорах в Арташат, ответить довольно трудно. Как известно, античная керамическая тара использовалась для перевозки практически любых жидких и сыпучих продуктов, но главным образом для вина и оливкового масла. Однако говорить об импорте вина, пожалуй, нельзя: Армения является одним из древнейших винодельческих регионов Востока. Раскопками Кармир Блура были обнаружены ряды винных карасов с остатками косточек винограда разных сортов²³.

²¹ Ch. B ö r k e r, Griechische Amphorenstempel vom Tell-Halaf bis zum Persischen Golf, „Baghdader Mitteilungen. Deutsches Archäologisches Institut Abteilung Baghdad“, Bd. 7, 1974, стр. 34—45.

²² X. A. М у ш е г я н, Денежное обращение в античной и средневековой Армении по пумизматическим данным (V в. до н. э. — XIV в. н. э.). Автореферат докт. дисс., Ереван, 1975, стр. 5, 11; Р. М. Д ж а н и о л а д я н, О трех образцах стекла из Кармир-Блура, СА, 1964, № 1, стр. 307—312.

²³ Б. Б. П и о т р о в с к и й, Ванское царство (Урарту), М., 1959, стр. 142—147, табл. XXVIII—XXX.

Уже в V в. до н. э. Геродот рассказывает об экспорте вина из Армении вниз по Евфрату в Вавилон²⁴. Но вывоз этот, вероятно, начался еще раньше. Что касается родосских и косских вин, то они не отличались высоким качеством и вряд ли могли конкурировать с местными. Не исключена все же возможность использования родосской и косской керамической тары для перевозки небольших количеств дорогих вин из других центров.

Нереально и предположение о ввозе скоропортящихся продуктов, как, например, рыбы, фруктов и т. д. Даже в случае надобности их было бы трудно перевозить — ведь горные дороги использовались обычно лишь в летне-осенний сезон, а жара не могла содействовать сохранности подобного груза. Более вероятным кажется импорт оливкового масла. Правда, Страбон указывает на районы Армении, где выращивались оливковые деревья, однако прямых свидетельств о местном изготовлении масла у нас нет²⁵.

Для определения объема импорта, завоозимого в амфорах в Арташат, следует привести количественное соотношение тары из перечисленных центров: Родос (конец II—I вв. до н. э.)—более 30 экз.; Кос (I в. до н. э.)—4; Кос (I—II вв. н. э.)—5; Гераклея Понтийская (I—II вв. н. э.)—ок. 3; поздние «афинские» (III—IV вв. н. э.)—3 (учтен и годъемный материал). Таким образом, доминирующее положение родосской керамической тары в торговле и транзитных перевозках античного времени выявляется и на примере арташатского материала. В связи с этим небезынтересно вспомнить свидетельство Страбона о жителях города Сол в Нижней Киликии, население которого в числе жителей «двенадцати эллинских городов» было переселено Тиграном II в Армению²⁶. Город, по этому свидетельству, был основан ахейцами и родосцами из Линда²⁷. Вполне вероятно, что после переселения последние и стали торговыми посредниками в сношениях Армении с Родосом.

²⁴ Геродот, История в девяти книгах, Л., 1972, I, 194.

²⁵ Страбон, География, XI, XIV, 4, С 528.

²⁶ Г. X. Саркисян, Тигранакерт, М., 1960, стр. 53.

²⁷ Страбон, География, XIV, V, 8, С 670.

Что касается степени интенсивности контактов Арташата с указанными центрами-экспортерами, то говорить об этом, пожалуй, рано — раскопки города еще далеко не завершены. Все же можно предположить, что для экономики северных областей Армении импорт в амфорах из Эгеды и Южного Понта не был жизненно необходимым. В пользу этого говорит отсутствие привозной керамической тары в крупных центрах античной Армении — Армавире и Гарни.

При рассмотрении коллекции амфор из Арташата бросается в глаза скопление подавляющего большинства их на холме № 2, занимающем ключевое положение в системе девяти высот, на которых расположена цитадель города. Данные разведки на этом холме, как и раскопок периферийных холмов, наводят на мысль, что именно на нем находились наиболее богатые кварталы города. Концентрация большинства амфор на холме № 2 позволяет поэтому предположить, что импорт их был рассчитан на эллинизированные верхние слои населения.

Распространение амфор на исторической территории Армении не ограничивается ес-

северным регионом. Раскопками в Софие выявлен богатый археологический материал, в том числе амфоры, говорящий о тесных связях этой области с эллинистическим миром²⁸.

Арташатские находки значительно расширяют известные до сих пор границы распространения амфор. Изучение привозной керамической тары в Армении находится в начальной стадии. Можно надеяться, что знания о ней пополнятся в процессе дальнейших раскопок.

28 Г. А. Тирацян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, «Древний Восток», 2, Ереван, 1970, стр. 143; R. P. Harper, Pagnik Ören Excavations 1971 („Keban project 1971 Activities. Middle East Technical University. Keban project publications“, ser. 1, № 4), Ankara, 1974, стр. 108, илл. 95, № 2.

М. ЗАРДАРЯН